

28 May 2013 09:34

Интервью с Марко Михкельсоном 20.05.2013

Интервью с Марко Михкельсоном 20.05.2013

Интервью председателя комиссии Рийгикогу по иностранным делам Марко Михкельсона журналисту русской редакции BNS Кириллу Клаусу. Интервью проходило 20.05.2013 на русском языке.

В связи с актуальной сейчас темой эстонско-российского договора о границе звучит немало спекуляций. Согласно одной из них, Эстония вернулась к этому вопросу якобы под давлением Брюсселя – ведь речь идет и о границе Евросоюза. Как обстоят дела на самом деле?

Ну, это чистой воды спекуляция. Здесь нет никакой взаимосвязи с тем, что и как думают наши партнеры. Конечно, наши границы являются границами Евросоюза, но также и НАТО. И мы до сих пор остаемся единственной граничащей с Российской Федерацией страной ЕС, у которой еще нет договора о границе. Связанные с границей темы – это везде и всегда вопрос суверенитета того государства, о котором мы говорим.

Процесс заключения эстонско-российского договора о границе длится почти 20 лет. Переговоры начались сразу после вывода из Эстонии российских войск в августе 1994 года, и в конце того же года тогдашний премьер-министр Андрус Таранд заявил, что правительство Эстонии готово начать переговоры с РФ, не требуя обратно территории, которые до Второй мировой войны являлись частью Эстонской Республики. При этом было подчеркнуто, что этот процесс никоим образом не должен компрометировать принцип правового континуитета. Уже в 1996 году переговоры завершились, в 1999 году документ был дополнен и состоялось парафирование. С тех пор соглашение ждало подписей. К этому пришли в 2005 году. Видимо, были разные причины, почему процесс выхода на подписание занял шесть лет. Думаю, что российская сторона, возможно, надеялась, что отсутствие договора о границе осложнит Эстонии вступление в Евросоюз и НАТО. Кстати, об этом в прошлом году говорил министр иностранных дел Сергей Лавров.

Ратификация подписанного документа в Рийгикогу прошла таким образом, что тогдашний канцлер права Аллар Йыкс дал свою оценку тексту договора и указал, что этот текст может открыть двери спекуляциям и толкованиям, что ЭР якобы отказалась от своего правового континуитета. И поэтому к закону о ратификации была добавлена преамбула. До сих пор иногда говорится, что Рийгикогу дополнил текст самого пограндоговора, но это не так. Международные договоры заключают правительства, и парламент может лишь ратифицировать или денонсировать их. Так что эта преамбула имела исключительно внутренний характер. Но мы знаем, какая была реакция с российской стороны.

Обсуждение вопроса пограндоговора возобновилось на уровне дипломатических контактов по крайней мере с 2010 года. В конце прошлого года все фракции Рийгикогу рекомендовали правительству начать консультации с РФ в том числе и с учетом того, что глава МИД Сергей Лавров, выступая 1 сентября перед студентами МГИМО, сказал, что Россия тоже готова сесть за стол переговоров и начать консультации. Для нас как и раньше главным было то, что этот процесс не должен был скомпрометировать принцип континуитета. И поэтому в договор в ходе консультаций и по нашей инициативе было внесено положение о том, что этот документ говорит исключительно о прохождении границы. Это – самый важный нюанс с нашей стороны.

Поскольку попытки свалить различные темы в одну кучу или за раз решить разные вопросы обычно являются тупиковым путем, мы сфокусировались на вопросах, связанных с отвечающим интересам Эстонии договором о границе.

Еще одна имеющая отношение к этому договору спекуляция, которая в Эстонии тоже довольно много

мультиплатформенно, это вопрос о безвизовом режиме между Евросоюзом и РФ. И здесь нет никакой связи с договором о границе между Эстонией и Россией. Когда делегация комиссии Рийгикогу по иностранным делам в апреле в Москве встретилась с заместителем министра иностранных дел Владимиром Титовым, тот начал свое выступление с того, что эти вопросы никак не связаны между собой. Безусловно, было бы неплохо, чтобы стороны, говорящие о безвизовом режиме, имели договор о границе, но эти вопросы действительно никак не связаны между собой.

В обществе периодически ведутся дискуссии на тему того, насколько независимой от Брюсселя и Вашингтона является внешняя политика Эстонии. На Ваш взгляд, в какой мере может и должна быть самостоятельной внешняя политика страны-члена Евросоюза и НАТО?

Это очень широкий вопрос. В первую очередь, конечно, нужно учитывать, что происходит в мире и как отвечающие за внешнюю политику представители разных стран связаны друг с другом, с различными тенденциями и т.д. Мир сегодня меняется очень быстро. Но если говорить об Эстонии, то мы с 2004 года являемся членами Евросоюза, и у ЕС имеется единая внешняя политика и политика безопасности. Одним из важных компонентов внешней политики страны является и внешняя торговля. Например, переговоры по крупным договорам в этой области ведет Европейская комиссия. Мы знаем, что не по всем вопросам имеется консенсус на уровне ЕС, и позиции могут быть разными. Но Эстония считает крайне важным, чтобы ЕС выработывал как можно больше единых позиций по внешней политике, поскольку в мировой конкуренции с такими странами как Китай, Индия, США, Россия, Бразилия и т.д. у Европы не так уж много альтернатив.

Второй вопрос – НАТО. Для нас тема безопасности – общей и в евро-атлантическом регионе – является принципиальной. История этой организации доказывает, что НАТО – действительно хорошо работающий механизм. Хотя и здесь как в каждой эффективной структуре страны-члены должны работать во имя того, чтобы организация оставалась эффективной и в будущем.

Эстония входит в ООН и во многие другие международные и региональные организации. Но мы все-таки независимое государство, и у нас есть свои приоритеты. Мы – маленькая страна, и поэтому у нас не так много ресурсов, чтобы заниматься всеми актуальными в мире вопросами, не везде мы можем иметь свои посольства. Но внешняя политика Эстонии разрабатывается в Рийгикогу в сотрудничестве с МИД и другими внешнеполитическими структурами страны. Так что если кто-то говорит, что внешняя политика Эстонии является чьей-то рукой, он просто не понимает, как сегодня функционирует мировая политика.

Были ли у Эстонии какие-либо внешнеполитические цели, которых так и не удалось добиться? Какие основные задачи стоят перед Эстонией сейчас?

Самой важной задачей с момента распада СССР для нас было вхождение в евро-атлантическое сообщество – НАТО, Евросоюз и другие структуры. Как Вы знаете, Эстония по разным меркам принадлежит именно к западной культуре, и поэтому для нас это был естественный процесс. Этот курс был консенсусно поддержан политическими силами страны. Я работаю в комиссии по иностранным делам уже десять лет, и могу сказать, что очень важным компонентом эстонской внешней политики является то, что практически все решения по внешнеполитическим вопросам были консенсусными – я могу пересчитать по пальцам одной руки случаи, когда нам приходилось голосовать по какому-то вопросу. Здесь не играют роли, находятся политические силы в коалиции или оппозиции, поскольку для маленького государства очень важно иметь ясную и единую внешнюю политику. И уже более 20 лет у Эстонии – именно такая внешняя политика.

Можно сказать, что у нас за это время было два самых главных внешнеполитических успеха. После восстановления независимости страны и ее признания основным стал вывод российских войск. Думаю, что тот процесс, который завершился в августе 1994 года, стал историческим моментом для развития Эстонии. Как и для Латвии, Литвы и восточноевропейских государств. Это был очень трудный вопрос, ведь нужно учитывать, что наша дипломатия тогда была совсем юной, и речь шла о нашей первой крупной задаче. В связке с другими странами, в том числе и с Россией, мы решили этот

вопрос, что дало толчок к развитию государства и позволило нам взять более сфокусированный курс на вхождение в Евросоюз и НАТО.

Если говорить о том, было ли что-то, что нам не удалось, то, конечно, мы как маленькая страна не можем быть в мировой политике такими же активными как, к примеру, наш сосед Россия или другие большие страны. Мы имеем в первую очередь иные задачи, о которых я говорил и которые дали нам возможность развиваться по принципу демократического и правового государства, а также быть успешными в экономическом плане, если посмотреть на динамику за 20 лет.

Конечно, если что-то, может, и не развивалось так, как нам хотелось бы, то это – отношения с Россией. Но здесь я могу все-таки добавить, что не вижу в этом вины эстонской стороны в том плане, что не было желания найти решения вопросов, которые находятся в повестке двух стран, взять тот же договор о границе. И нужно видеть более глубокие причины, почему эти отношения за 20 лет были не такими, какие хотелось бы иметь нам. Для Эстонии нет никакой альтернативы тому, чтобы иметь нормальные, добрососедские отношения с Россией, но это возможно только в ситуации действительного взаимоуважения по разным вопросам. Конечно, есть объективные причины, почему у нас в отношениях было немало эмоциональных моментов, многие из которых связаны с историей и нашим пониманием событий вокруг Второй мировой войны. Но есть и другой вопрос. То, что произошло в 1991 году, даже сегодня еще влияет на наши отношения. Если вспомнить, что президент Путин в 2005 или 2006 году сказал, что развал Советского Союза стал крупнейшей геополитической катастрофой 20 века, уже сразу можно понять, как относится официальная Москва ко своим соседям, особенно к тем, кто до 1991 года входил в состав СССР.

Мир сегодня очень динамичен, и процессы, проходящие далеко от нас, могут напрямую влиять и на нашу безопасность. К примеру, ситуация в Сирии, Афганистане или Северной Корее. У Эстонии возможность влиять на принятие решений сейчас больше, чем когда бы то ни было. И самая главная из стоящих сейчас перед Эстонией задач – это наилучшим образом использовать имеющиеся у нас рычаги, чтобы наша внешняя политика давала те же результаты, которые являются приоритетными для любого государства: обеспечение безопасности и экономического развития, поскольку Эстония очень зависит от экспорта. И поэтому наша комиссия в последние годы очень много занимается нахождением новых рынков для эстонских предпринимателей. Мы очень много делаем для развития отношений со странами Азии. Так что мировая карта для нас сегодня более открыта, чем, скажем, десять лет назад.

Что касается таких заявленных задач, как, к примеру, достижение членства в Совете Безопасности ООН, то это все – тактические моменты. Получение на два года членства в Совбезе не является для нас самоцелью. Конечно, это возможность показать, что мы являемся активными членами ООН и что мы действительно заботимся о происходящем в мире в плане безопасности. Но мы наблюдаем тектонические сдвиги в мировой политике. У нас сегодня в мире центров принятия решений намного больше, чем это было даже десять лет назад. Те же Китай, Индия, Бразилия, многие другие государства, к примеру, Персидского залива. И стратегически для нас самое важное, конечно же, с учетом наших ресурсов, это все-таки быть активными членами ЕС и выработать свою политику в плане долгосрочного обеспечения безопасности и экономического развития. Все остальные шаги имеют тактическое значение.

Долгое время ключевым фактором формирования мировой политики являлись отношения между США и СССР. По Вашей оценке, насколько серьезное влияние на международную повестку дня оказывают отношения между США и Россией сейчас?

Действительно, мир сегодня гораздо сложнее понять, чем во времена холодной войны, когда было два центра. Конечно, отношения между Россией и США играют важную, но не ключевую роль. Россия как была, так и останется важнейшим игроком в мировой политике с учетом стратегического положения, ядерной составляющей, энергетики и многих других компонентов. Думаю, ошибаются те, кто говорит, что Россия является лишь региональной державой. Мы видим, что амбиции России никуда не делись, вопрос лишь в том, как эти амбиции реализуются. Но, конечно, нужно учитывать

стремительный рост влияния Китая. В самом скором будущем Пекин станет одной из столиц мировой политики и экономики. Безусловно, очень быстро развиваются и другие страны Азии. Не только в экономике, но и в сфере глобальной безопасности. Мы видим как развиваются государства Персидского залива, как они влияют на происходящее в мусульманском мире.

Крайне актуальна тема последствий Арабской весны, то, как радикализация ислама сказывается не только на региональной, но и на глобальной безопасности. Помимо этого – стремительный рост населения, а также революция в сланцевом газе, которая очень сильно повлияет на изменение мирового газового рынка. Не говоря уже о вопросах изменения климата или нехватки пресной воды.

Ответить на вопрос, какой мировой порядок мы имеем на сегодняшний день, крайне сложно. Конечно, у нас сейчас те же институты, которые были созданы после Второй мировой войны, та же ООН. Мировая финансовая система до сих пор руководствуется тенденциями, образовавшимися в то время. Но мир меняется, и я бы не взялся предсказать, каким он будет даже через десять лет. Нет стабильности. И мир сегодня гораздо более опасен, чем даже во времена холодной войны. Взять хотя бы ситуацию в Сирии. Мы видим, что арсенал химического оружия, который находится в этой стране, может попасть в руки Аль-Каиды или быть использован режимом Башара Асада против своего народа. Или Северная Корея. Очень сложно понять, каковы планы ее лидера. Как известно из открытых источников, его возможности угрожать ядерным ударом, например, США, реальны. И из-за какой-нибудь глупой ошибки может возникнуть очень серьезный, не только региональный, но и глобальный конфликт.

После прошедших в Грузии в октябре парламентских выборов в Евросоюзе и в частности в Эстонии в адрес новых властей этой страны высказывались определенные опасения. Насколько обоснованными они оказались?

Процессы, которые происходят в Грузии сегодня, я могу охарактеризовать как позитивные. В плане того, что через выборы произошел мирный переход власти от одной партии к другой. Это очень важно. Мы знаем, какой трудный путь Грузия прошла в начале 1990-х годов, когда почти каждый переход власти сопровождался кровопролитием. Конечно, нынешняя практика нова для Грузии.

Вчера у меня состоялась очень интересная беседа с моим коллегой, председателем комитета по международным делам парламента Грузии Тедо Джапаридзе, который будет в Таллинне на этой неделе. В Люксембурге я встретился с представителями грузинской оппозиции. На этой неделе в Таллинне у меня состоялась встреча с министром обороны Ираклием Аласания. Так что у нас очень много контактов, и наше сотрудничество ничем не отличается от того, что было во время предыдущего правительства Грузии. Конечно, есть опасения, и со стороны оппозиции, что правосудие может использоваться в политических целях. Такие моменты заметны, и не только в Грузии, то же самое мы видим в Украине и Беларуси.

Я вижу, что внешнеполитическая ориентация Грузии не отличается от той, что была до парламентских выборов. Конечно, очень важны предстоящие в Грузии президентские и муниципальные выборы, которые покажут нам, какой именно путь для страны определило правительство Иванишвили. Думаю, что политики Грузии очень хорошо знают, что самое важное для развития государства – это добиться нормального политического процесса, который даст возможность принимать важные для государства решения. Мы знаем из истории Эстонии, как мы реформировали свою страну за последние 20 лет. Думаю, что Грузия находится в самом начале этого процесса, и впереди у них долгий путь, но я настроен оптимистично.

Украину нередко упрекают в том, что она вместо того, чтобы четко определить свой внешнеполитический вектор, пытается балансировать между Россией и Евросоюзом. На Ваш взгляд, насколько взаимоисключающими являются два этих направления?

Думаю, что они являются взаимоисключающими. Это все-таки два принципиально разных направления. Я понимаю, почему правительству Украины сложно выработать ясный и единый подход

к этому вопросу. Мы все хорошо знаем конфигурацию на Украине, западная и восточная части страны – это разные вещи. Официальная Украина неоднократно заявляла и продолжает заявлять, что в интересах страны – сближение с Евросоюзом и евро-атлантическими интересами. Но сегодня мы не знаем, каким будет исход подписания договора об ассоциации в конце года в Вильнюсе. У Украины очень много сложных вопросов, которые ей необходимо решить, речь в том числе идет об использовании правосудия в политических целях. Но я думаю, как Грузии, так и Украине важно определить для себя самое главное, чтобы достигнуть своих целей. Чтобы страна в политическом, демократическом и экономическом планах развивалась более стабильно.

Курс на Европейский союз и на Евразийский союз – это не одно и то же, тут нужно определиться с выбором. Когда я встречаюсь со своими коллегами из Верховной Рады, они говорят, что решение страны – сближаться с европейскими структурами, и они очень хорошо понимают, что то, что предлагается с российской стороны, особенно по Евразийскому союзу, невозможно сопоставить с процедурами Евросоюза.

Проведенный в Молдове в апреле опрос показал, что количество желающих вступить в формируемый Россией, Беларусью и Казахстаном Таможенный союз незначительно, но превышает число сторонников присоединения страны к ЕС. При этом за три года число граждан Молдовы, поддерживающих ориентированный на Запад курс правительства, сократилось почти на 20 процентов. Как бы Вы прокомментировали эти данные?

На мнение людей влияет происходящее в политике. Направление, которое определило последнее правительство, это новый и ясный курс для страны по сравнению с курсом правительства коммунистов. Мы знаем о сложностях в нынешнем правительстве, об отставках, коррупции и т.д. Очень трудный вопрос по Приднестровью, который мешает государству развиваться темпами, необходимыми для сближения с Евросоюзом. Думаю, что Молдова сделала больше, чем любая другая страна восточного партнерства ЕС. Посмотрим, как будет развиваться процесс подписания соглашения об ассоциации с Евросоюзом на саммите в Вильнюсе. Но считаю, что у Молдовы все-таки больше связей с ЕС, чем с Таможенным союзом. В любом случае, решение о том, в каком направлении и какими темпами двигаться, будет принимать само государство. Мы же, безусловно, хотим, чтобы развитие Молдовы было более активным.

Результаты этого исследования не дают оснований говорить о том, что политика Евросоюза на направлении Молдовы провалилась. Мы знаем, что, к примеру, в Латвии поддержка Евросоюза не очень высока – в районе 30-40 процентов, при этом в Эстонии показатель составляет 70-80 процентов. И в других странах Евросоюза можно найти тех, кто сомневается в правильности того, куда движется ЕС. Но в Молдове очень важным фактором является влияние Румынии. И я думаю, что эта страна как член ЕС довольно сильно влияет на то, как идут дела в Молдове.

Если же говорить о социологических исследованиях в целом, то очень важное значение имеет то, каким образом был поставлен вопрос.

Насколько реалистичным Вам представляется сближение Евросоюза и Беларуси в обозримой перспективе? Как Вы оцениваете введенные в отношении Минска санкции?

Я не слишком оптимистичен в части того, что в ближайшее время может произойти прорыв в отношениях между ЕС и Беларусью. Режим Лукашенко сильно отличается от процессов, которые происходили во многих других странах бывшего СССР. На мой взгляд, одной из самых больших проблем Беларуси является то, что самоидентичность белорусского народа крайне невысока. Это связано с трагическими событиями, которые произошли во время Второй мировой войны, и тем, что у Беларуси отсутствует память о государственности как таковой. И поэтому манипулировать такими персонами, как Лукашенко, не очень сложно. Проблема, что оппозиция в Беларуси раздроблена и никак не может выработать ясную позицию для людей, которые бы увидели альтернативу Лукашенко. Хотя, конечно, в стране существует система, не дающая возможности развивать свои идеи и быть услышанными.

Так что я, к сожалению, действительно не вижу в ближайшем времени особых возможностей для сближения. Я знаю, что оппозиция работает во имя увеличения своей поддержки, но все эти процессы возможны лишь внутри самой страны. Ошибочно полагать, что какие-то шаги извне могут прямо влиять на режим в Беларуси. Санкции – это всегда крайняя мера во внешней политике. И в данном случае эти санкции не универсальны – ведь Беларусь может торговать с Россией и другими странами. Как мы видим, больших изменений не произошло и, как я уже сказал, в ближайшее время они не предвидятся.

Вы согласны с известным утверждением, что у государств не бывает друзей, максимум – союзники и партнеры?

Конечно, мир не стоит на месте, меняются союзы, меняются позиции стран исходя из того, что происходит вокруг. Но я думаю, что никогда у Эстонии не было так много все-таки хороших друзей, партнеров и союзников, как сегодня. Для обеспечения безопасности крайне важно иметь как можно больше хороших партнеров и друзей среди других стран.

У нас много говорится о ценностях. Мы – маленькая страна, и у нас не может быть больших интересов по всему миру. Для нас очень важно, что со странами, которые разделяют наши позиции и наши ценности, мы находим общий язык легче, чем со странами, которые немножко по-другому видят развитие демократических институтов и т.д. Но в мире не все государства демократические, и нам нужно вести дела с разными странами, с тем же Китаем, который развивается своим путем. Или Россией, у которой очень много трудностей в плане обеспечения принципов правового государства. Но не в наших силах изменить то, что происходит в том или ином государстве. Мы должны понимать их историю, культуру, религию, отдавать себе отчет в том, чего можно добиться, а чего – нет. И я думаю, что если ты уважаешь себя, то и другие будут уважать тебя. Если у тебя понятная, принципиальная внешняя политика, то даже если речь идет о таком маленьком государстве как Эстония, тебя принимают всерьез.

Как историк могу сказать, что впереди нас ждут очень сложные времена, когда нам пригодятся хорошие друзья и отношения с другими странами. Поэтому в наших интересах иметь со всеми соседями нормальные, добрососедские отношения. И процесс, который мы наблюдаем сегодня в эстонско-российских отношениях, является позитивным, хотя впереди еще долгий путь.

Благодарю за интервью!